Л.И.Петражицкий об университетской лекции

Гильманов Сергей Амирович – д-р пед. наук, профессор, Югорский государственный университет (Ханты-Мансийск, Россия); gilmanovsa1109@gmail.com

Аннотация. *Рассмотрены представления российско-польского ученого Л.И.Петражицкого о содержании и роли университетской лекции в развитии науки и образования. Указано, что лекция для Петражицкого – универсальное средство не только развития «научной психики», но и обеспечения условий для развития самой науки. Делается вывод о том, что чтение трудов ученого преподавателями и студентами вуза может стимулировать их обращение к современным проблемам высшего образования и к собственной познавательной и преподавательской деятельности.*

Ключевые слова. *Университетская лекция, Л.И.Петражицкий, лектор и слушатели лекций, общение и отношения преподавателей и студентов.*

Двухтомный труд российско-польского мыслителя Льва Иосифовича Петражицкого (1867–1931) «Университет и наука. Опыт теории и техники университетского дела и научного самообразования» [1; 2], на наш взгляд, незаслуженно обойден вниманием исследователей. Он связан прежде всего с историей публичных дискуссий по так называемому «университетскому вопросу», в очередной раз (а такие дискуссии вспыхивали постоянно при изменениях в системе организации высшего образования с момента создания первого университета в России) разгоревшимися в самом начале XX в. при обсуждении обновления Университетского устава. Тогда в публичных обсуждениях участвовали ведущие ученые и профессора университетов страны: В.И.Вернадский, В.М.Гессен, П.Е.Казанский, П.А.Капнист, Д.И.Менделеев, В.И.Сергеевич, И.И.Янжул и др. Петражицкий, как активный участник дискуссий, в 1901 г. в разных газетах и журналах («Россия», «Петербургские ведомости», «Право») публикует ряд статей, а в последующие годы создает ряд текстов, и на этой основе в 1907 г. подготавливает большой (около 650 страниц) двухтомный труд, цель которого – «выяснить психологическую природу науки и научного образования и доставить учащимся руководство к сознательно-рациональному научному, университетскому и внеуниверситетскому, самообразованию» [1, с. VII]. В этом труде в первый (и последний) раз Петражицкий широко представил, помимо общенаучных и психологических, и свои педагогические взгляды. Он системно излагает представления об университетах как научных и учебных учреждениях и доказывает познавательную и развивающую роль лекционной системы в них, разрабатывает положения университетской дидактики (науки «о рациональных началах устроения и ведения дела высшего, научного, университетского преподавания»), общие начала высшей автодидактики («техники научного самообразования») и университетской политики (как науки, исследующей психологию и теорию права, психологию науки и научного образования, и способной регулировать на практике право, «которым нормируется университетская жизнь и научное поприще»). В рамках автодидактики Петражицкий подробно останавливается на том, как следует начинать и продолжать изучение науки, как работать с учебниками, с научной литературой, как организовывать познавательную

и научную деятельность. Не обходит вниманием он и характеристики личностных и интеллектуальных качеств профессора (ученого), дает рекомендации по организации его деятельности.

Солидный объем двухтомника, обилие высказанных идей и соображений, система доводов и обоснований суждений, явно связанных с проблемами современности, – все это, казалось бы, давно должно было привлечь внимание исследователей в области педагогики и, в частности, дидактики высшей школы. Однако упоминания этого труда Петражицкого единичны. Ссылается на него, например, Е.А.Князев, но только в связи с анализом развития государственно-общественного высшего педагогического образования [3], а С.С.Невская, обращаясь к идеям Петражицкого о мотивах человеческих поступков, этот труд не упоминает [4]. Даже в монографических исследованиях в области дидактики высшей школы, где рассматривается история ее развития, нет обращений к этой работе. Например, в монографии Н.С.Макаровой и соавторов можно найти суждение о том, что «лекционная система преподавания нередко подвергалась критике», и дается развернутая цитата из труда П.Е.Казанского «К вопросу о постановке преподавания…», где он говорит о том, что лекции как прием преподавания «надо считать прямо вредным» [5, с. 92], суждений Петражицкого в защиту лекций не приводится. Не упоминается труд Петражицкого и в литературе, где затрагиваются историко-дидактические сведения о выдающихся лекторах. Например, в пособии В.С.Зайцева упоминаются такие замечательные лекторы Санкт-Петербургского университета, как Н.И.Комаров, М.В.Остроградский, Московского – В.О.Ключевский и Т.Н.Грановский [6], но упоминаний о Петражицком нет.

Конечно, как выдающийся мыслитель в области права, высказывавший идеи общенаучного и социологического характера, Петражицкий интересует специалистов в области гуманитарных наук, в первую очередь правоведов и социологов, изредка историков (О.Н.Болдырев, М.А.Волкова, В.В.Зорькин, Ю.А.Ильина, А.А.Исаев, Э.В.Кузнецов, А.В.Поляков, С.А.Пяткина, И.Ф.Ракитская, Е.В.Тимошина, О.Н.Толочко, В.А.Туманов, О.А.Ушкарев, И.Л.Честнов и др.), в исследованиях которых рассматриваемый труд упоминается в связи с педагогическими характеристиками деятельности Петражицкого. Упоминается, например, что Л.И.Петражицкий «поднимает проблему влияния педагога на формирование личности студента» [7, с. 138]. Отмечаются высокий научный уровень лекций, внимание, которое он уделял научно-исследовательской работе со студентами, его позитивное влияние на будущих последователей, которых он направлял «к самостоятельному поиску путей совершенствования уровня общественных отношений» [8, с. 102]. Первый том указанной работы Л.И.Петражицкого полностью помещен в сборнике работ российских ученых–юристов [9]; выдержки из этого тома помещены и в антологии, представляющей материалы, в которых ученые, государственные и общественные деятели излагают свое понимание процессов распространения, утверждения и развития университетской идеи в Восточной Европе, в Российской империи XVIII – начала XX вв. [10].

Между тем, при всех сложных причинах и обстоятельствах создания Л.И.Петражицким этого труда в нем мы встречаемся с практикующим преподавателем, профессором, вовлеченным в непосредственное взаимодействие со студентами, в построение образовательного процесса, действующим в современных ему организационных, политических, правовых условиях существования российских университетов. Хотя в начале XX в. мысли

о роли университета как источника и распространителя «научного света», о значении университетских лекций, об устройстве высшего образования в стране, высказываемые Петражицким, разделяли многие ученые, никто из них не обосновывал свои суждения обращением к педагогической и психологической наукам. Например, В.М.Гессен в 1901 г. горячо поддерживает сохранение лекционной системы, приводя в ее пользу аргументы, весьма сходные с аргументами Петражицкого: «университет, прежде всего и главным образом, призван культивировать науку», а в лекциях «Гимназическое „вдалбливание" фактов [Einpaukerei] уступает место свободному усвоению знаний» их слушание «дает слушателям общее знание предмета, проникнутое единством настроения и мысли» [11, с. 916]. Сходные мысли в дискуссиях об университетской реформе начала XX в. высказывает и В.И.Вернадский.

Эти обстоятельства, на наш взгляд, обусловливают актуальность специального рассмотрения труда Л.И.Петражицкого «Университет и наука» как источника, свидетельствующего о содержании его педагогических представлений (общенаучные и психологические воззрения Петражицкого требуют отдельного анализа), в частности, суждений о роли лекций в университетском образовании.

В настоящей статье мы, не затрагивая общенаучные и психологические идеи Петражицкого, его представления о содержании образования в университете, о содержании университетской дидактики и автодидактики, не освещая предложения по общей организации научного дела и университетской политики, сосредоточимся только на его представлениях о лекции как основе университетской дидактики. Наша цель – на основе суждений Л.И.Петражицкого о сущности университетской лекции, изложенных в труде «Университет и наука», определить его основные идеи о лекции, установить их связь с последующим развитием психолого-педагогической науки и определить значение труда Петражицкого для нашего времени.

Основным методом для нас явился качественный анализ текста труда Петражицкого, на основе которого систематизировались суждения о лекции, имеющие общепедагогическое значение.

Специфика анализа обусловлена тем, что труд Петражицкого весьма неоднороден по содержанию, форме и стилистике изложения. Первый том, который Петражицкий сопровождает подзаголовком «Теоретические основы», содержит отклики на злобу дня, т.к. включает полемику о роли университетов как научных и учебных учреждений и многочисленные доводы в пользу лекционной системы преподавания в них. Во втором томе, ориентированном на практические выводы, суждения о лекции связаны с изложением общих начал высшей автодидактики, университетской дидактики, университетской политики. Деление томов на «теоретический» и «практический» достаточно условно: и практические, и общенаучные, и психологические, и педагогические суждения о лекциях можно встретить в каждом из них.

Исходя из этого, мы рассматриваем оба тома как единый текст, а для системности, начав с характеристики представлений Петражицкого о смысле и роли существования университетов, выделяем в качестве областей анализа: роль лекций в образовании; сущностные характеристики обоснования их влияния на развитие обучаемых; связь мнений о Петражицком как лекторе с положениями, изложенными им в рассматриваемом труде.

Лекция – основа университетского образования. Для Петражицкого главная задача университета – быть источником и распространителем науки, научного света («свет науки» – ключевая метафора

всего труда Петражицкого), смысл деятельности университета – в становлении в нем подлинно научного образования. При этом Петражицкий практически отождествляет содержание науки с научным мышлением (и шире – с «научной психикой»): наука, по его мнению, в том, «что на место примитивных орудий житейского мышления вырабатываются в разных областях мышления усовершенствованные типы и навыки работы ума, которые так относятся к прежним и даже современным житейским приемам обсуждения таких же проблем, как, например, элегантно и точно действующая машина с паровым или электрическим двигателем относится к примитивным зачаткам орудий у дикарей» [1, с. 231–232]. Основным способом развития научной психики, научного мышления, превращения университета в источник и распространитель света науки и является университетская лекция. Петражицкий утверждает, что «основою университетской дидактики должна быть лекционная система, лекционный способ преподавания науки» [2, с. 512]; весь его труд можно назвать гимном лекции.

Во-первых, лекция, по Петражицкому, – это приобщение «к исследовательскому мышлению и воодушевлению» [1 с. 562]: «Лекции способны быть могучим средством приобщения к высшему, научному типу мышления и с этою умственно-образовательною целью должны сообразоваться их содержание, структура и приемы изложения» [1, с. 317]. Во-вторых, в лекциях совершается эмоциональное и мотивационное вовлечение обучаемых в науку: «научная лекция, как таковая, приобщает непосредственно не к морали, а к науке; эмоциональный ток имеет здесь природу не нравственных в собственном смысле, а научных чувств, научного воодушевления» [1, с. 191]. Наконец, «действие лекций может, с одной стороны, поднимать умственную энергию и активность до такой степени, которая выше обыкновенного уровня, и делать доступным слишком трудное или совсем недостижимое в области чтения мышление, а с другой стороны способствует усилению действия этого мышления в смысле оставляемой им умственной печати» [1, с. 334].

Ни научная литература, ни тем более учебники не могут оказывать на осваивающего науку такого действия, как лекции. Петражицкий даже формулирует «педагогическую теорему»: «слушание (истинно научной) лекции не только приводит нас ceteris paribus в более близкое соприкосновение с подлинным механизмом и процессом научного мышления, нежели чтение печатного сообщения результатов таких же процессов, но и дает более активное, более живое и интенсивное упражнение и в тех приемах и оборотах научного мышления, которые могли бы быть проделаны по книге путем чтения» [1 с. 246].

Петражицкий описывает и собственно физиологические и психологические механизмы развития мышления в ходе чтения лекций: «свободное громкое мышление» лектора–мастера вызывает в нервных центрах или в мозговых полушариях слушателей разряды нервной энергии, а это приводит к тому, что слушатели проделывают вместе с лектором «те движения мысли, которые там происходят», совершенные в речи лектора «ходы» мысли оставляют в психике слушателей след, «состоящий в большой приноровленности к повторению этих движений и к совершению сходных» [1, с. 240], формируются «сноровки», «привычки». Слушатели проходят «школу научного мышления» «путем проделывания образцовых движений мысли ученых по символическим импульсам» [1, с. 234]. Эти импульсы, как подчеркивает Петражицкий, – членораздельная речь, язык.

Чем же определяется содержание и форма чтения лекций? Петражицкий утверж-

дает: не нужно превращать лекции в «разжевывание и школьническое внедрение знаний», их нужно строить на оригинальных исследовательских убеждениях, с «рационализациею, с полемическою, критическо-разрушительною аргументациею по адресу других учений и мнений и с положительною аргументациею в пользу своих убеждений» [2, с. 517]. При этом «изложение должно быть по возможности свободное, не стесненное и фиксированное наперед путем записок или запоминания; оно должно иметь характер естественного и свободного течения научной мысли; и это достижимо ceteris paribus в тем большей степени (до степени вообще нового творческого полета мысли), чем выше степень эмоциональной оживленности проповедуемых идей и вообще доброкачественности утилизируемого материала в указанном выше смысле» [2, с. 518], а «уровень полета научной мысли должен быть, не исключая лекций для начинающих, для первокурсников и т.п., возможно более высокий, а не приноровленный к обычному, будничному типу мышления слушателей; это соответственное успешное поднятие мышления слушателей на необычный для них высокий уровень полета» [2, с. 518–519]. «Лекции должны быть и с точки зрения их влияния на знание не учительскими уроками, а устными научными исследованиями. Они должны быть по возможности таковы, каков подлинный процесс научно-критического мышления» [1, с. 318], и вообще, «лекция есть громкое мышление, а не громкое долбление» [1, с. 122].

Таким образом, университетская лекция по Петражицкому – всеобъемлющий способ, универсальное средство не только развития «научной психики», но и обеспечения условий для развития самой науки.

Профессор и студенты. Петражицкий высказывает суждения о лекторе и слушателе лекций. Читать лекции нужно, основываясь на собственных научных убеждениях: «ученому в аудитории не следует стеснять себя и ограничивать в тех областях, которые он специально знает и любит, где он может обстоятельно и с воодушевлением отстаивать свои убеждения и с жаром опровергать иные теория и воззрения – для того, чтобы равномерно и систематично изложить весь курс по порядку, как полагалось бы в учебнике, не пропуская и тех частей, где он только может наводить скуку на себя и слушателей безжизненным отчитыванием рядов сведений по памяти и учебному шаблону. Это – замена высоко полезного бесполезным делом» [1, с. 318]. Петражицкий подчеркивает, что способность лекции развивать ее слушателей зависит от личности лектора: «Не в лекции как таковой, т.е. в процессе говорения одного, слушания других, коренится возвышающее и облагораживающее влияние лекций, а в духовной личности ученого и подъеме научного чувства его во время лекции» [1, с. 199], движущая психическая сила лекции – «психика не педагога, а психика ученого, которого воодушевляют его научные убеждения, то, что он считает истиною» [1, с. 187]. Петражицкий считает, что «профессорская психология – не есть педагогическая психология. Типичный и в своем деле идеальный профессор столь же годится в педагоги, как и в музыканты» [1. с. 185].

Касается Петражицкий и вопросов отношений преподавателя и студентов. Любопытно, например, следующее его суждение: «Между прочим, и профессор, которого свыше заслуг возвеличивает и уважает аудитория, находится у нее, так сказать, на воспитании. Она ему показывает, каким он должен быть, и он инстинктивно будет стремиться оправдать это доверие и это уважение любящей его и любимой им молодежи не только перед нею, но и пред своею совестью» [1, с. 274]. Петражицкий выделяет и такую сторону отношений студентов и пре-

подавателей, как их представления друг о друге. Упоминает почтение студентов, оказываемое авторитетным ученым. Указывает и на то, что часто существует преувеличенная идеализация аудитории со стороны профессора (иллюзия, возникающая под влиянием симпатии и уважения аудитории, воодушевления слушателей). Петражицкий предлагает своего рода эксперимент (опыт): пусть профессор попросит своих слушателей изучить какую-либо, например, первую главу элементарного учебника по данной науке и посвятит время одной из лекций «собеседованию» по выученному уроку. Петражицкий пишет, что получится своего рода холодный душ: «вся иллюзия и поэзия пропадет сразу. Слушатели встанут на положение школьников, а профессор будет весьма озадачен и поражен уровнем умственного развития, получится учительский тон (может быть, с примесью раздражения и нетерпения). Вследствие внезапности падения с высоты и поразительного контраста с прежним настроением он даже, пожалуй, своих “товарищей” и “соратников” в борьбе за истину (commilitones) во время лекций теперь по поводу “практических занятий” как-либо не особенно вежливо окрестит в мысли» [1, с. 273].

Не меньшее внимание уделяет Петражицкий и деятельности тех, кто осваивает научные знания, в первую очередь студентов. Он пишет о том, что в осуществлении научного познания нужно обращаться к союзу эстетического, научного, этического чувств, в котором отодвигаются разные эгоистические интересы, создается такой свет, при котором эти чувства представляются пошлыми, тривиальными, мелкими, и тогда «путем крещения возвышенными чувствами науки, может быть вызвано между прочим, что из данного студента получается нечто большее, чем первоначальный практический идеал» [1, с. 193].

Петражицкий вполне определенно заявляет, что получение высшего образования может оказаться для многих непосильным. Если усилия студента по усвоению смысла лекций не приводят к освоению учебного материала, Петражицкий в случае «прирожденной и неисцелимой неспособности» советует «оставить прежний план образования и жизни и составить более соответствующий и собственному, и общественному благу», либо, если это «умственная юность. недостаточная зрелость, слишком ранний переход от элементарного обучения к науке», «следует остаться на курсе на второй год» [2, с. 352].

Отзывы о лекциях Петражицкого. Утверждения Петражицкого о том, что сила лекции – не в красноречии, а в мысли, которую лектор разворачивает перед аудиторией, ярко подтверждаются теми, кто слушал его лекции. Хотя все они отмечают недостатки Петражицкого как оратора (речь медленная, тихая, монотонная; фразы длинны и построены «не совсем по-русски»; сильный польский акцент, употребление каких-то особенных, только ему присущих выражений и т.д.), однако говорят о сильных впечатлениях и значительном влиянии Петражицкого на их знания и убеждения. Приведем некоторые свидетельства студентов Санкт-Петербургского университета, слушавших лекции Петражицкого. Известный филолог А.А.Амбарцумян: Петражицкий «говорил тихо, низким тоном, медленно, хотя риторически довольно слабо и даже некрасиво, однако в высшей степени внушительно. Он часто повторялся, тщательно отшлифовывая каждую оригинальную мысль, делая ее сильно отточенной, округленной и совершенно готовой для восприятия и освоения. Его слова, полные идейной насыщенности, могучим течением прямо врезывались в память и сознание слушателя, как бы с наперед заданной целью утвердиться там навсегда. Профессор Лев Иосифович Пе-

тражицкий мыслил самостоятельно, самобытно и изумительно оригинально…» [12]. М.М.Бахтин: «слушать его было трудно, потому что у него был чрезвычайно сильный польский акцент, и вообще он не был оратором, но его лекции были в высшей степени интересны» [13, с. 69]. Даже А.Блок, который, будучи студентом первого курса, писал, что «единственный дурно читающий профессор – Петражицкий, который отвратительно говорит по-русски и сыпет иностранными терминами, не объясняя их, хотя следовало бы ему помнить, что мы – гимназисты 8-го класса и еще не привыкли к научному языку» [14, с. 45], перейдя на второй курс, отмечал: «он начинает сериозно интересовать меня, как философ» [14, с. 56].

Не менее красноречивы отзывы о лекциях Петражицкого и слушательниц Бестужевских курсов. Е.Р.Изместьева-Новожилова: «Лекции Петражицкого походили на импровизацию, надо было ухватиться за их логическую нить, чтобы понять, что он хотел сказать. Но затем логичность излагаемого покоряла своей оригинальностью и кажущейся неотразимостью» [15, с. 122]. Е.П.Привалова: «Разве можно было мыслить иначе, чем мыслил он? Ни возражений, ни сомнений, ни колебаний. Казалось, ваша мысль в плену. В этом подчинении было даже что-то тяжелое. Такова была железная логика этого оригинального лектора» [16, с. 242]. С.М.Хлытчиева: «Он вводил нас в глубины психологии. На базе, эмоциональной психологии профессор строил свою теорию права. Меня начал увлекать логически совершенный ход мышления лектора» [17, с. 263].

Можно утверждать, что идеи о лекции как могучем средстве приобщения к высшему, научному типу мышления, о лекторе, воздействующем на слушателей не красноречием, а силой мысли духовной личности с высоким научным чувством, полностью воплощались самим Петражицким в его педагогической деятельности. Именно научное содержание излагаемого в преподавании Петражицкого оставляло глубокий след в последующей жизнедеятельности обучаемых им. Успехи Петражицкого на педагогическом поприще несомненны. Достаточно назвать имена хотя бы нескольких учеников, ставших выдающимися учеными и сохранивших уважение к личности и научным заслугам учителя: Г.Д.Гурвич, М.А.Рейснер, П.А.Сорокин, Н.С.Тимашев. Хотя справедливости ради следует отметить, что П.А.Сорокин, считавший Петражицкого самым великим ученым в области морали и права двадцатого столетия и своим великим учителем, лекции Петражицкого пропускал, а курс «Общая теория морали и права» сдал, когда «досконально проштудировал за две недели по трем томам, в которых была изложена его теория и введение к ней» [18, с. 52–53].

Труд Петражицкого «Университет и наука» был встречен его современниками достаточно критически. Критиковались не только сведение науки к психическим процессам, многословие, витиеватость стиля и др., но и рассуждения о содержании и роли лекции в образовательном процессе. В качестве примера можно упомянуть высказывания одного из самых язвительных недоброжелателей Петражицкого, В.И.Сергеевича. Он высмеивает идею о «громком мышлении» лектора и, упрекая Петражицкого в том, что тот «отдает предпочтение мысли, только что осенившей голову ученого», пишет: «Провозглашение своего личного мнения в своей аудитории еще очень далеко от последнего слова науки» [19, с. 18]. Более того, «для лекций с профессорской кафедры едва ли можно рекомендовать импровизацию» [19, с. 23].

Однако время, прошедшее с момента публикации, выявило значение многих рассуждений Петражицкого. Остается актуальной его мысль о том, что главная задача университета – «формирование ума и характера молодежи на почве совершеннейй-

ших образцов научного мышления и сильнейшего проникновения истинно научным настроением и воодушевлением» [1 с. 336]. К сожалению, идея Петражицкого о науке как общем свете, определяющем всю деятельность университетов, и о выдвижении на первый план задачи развития научного мышления не выделяется сегодня в качестве важной. Господствующий компетентностный подход ориентирует педагогический процесс не на научное образование, не на «облагорожение» интеллекта, не на развитие «познавательного капитала» студентов, а на «подгонку» свойств личности под требования определенных видов профессиональной деятельности. В большинстве теоретических педагогических работ наука предстает только как сторона (часть) содержания образования, ее методологическое и социокультурное значение как «научного света» для всего процесса и содержания образования не замечается.

Относительно рассуждений Петражицкого о лекциях сегодня довольно явственно проявилась широта его подхода к ним как способу и средству организации познания в целом через общение и отношения лектора и аудитории. Доводы Петражицкого в пользу лекций обосновываются в суждениях, содержание которых гораздо шире, чем обоснование господства в университетах лекционной системы. Во-первых, Петражицкий, обосновывая лекцию как «громкое мышление» выходит в область психолого-педагогических механизмов развития мышления – проблем, которые отечественные психолого-педагогические науки начали решать в 20–30 гг. XX в. и продолжают делать это и поныне. Это касается, например, идей Выготского о роли знака и значения в развитии психики (нельзя не указать на «символические импульсы» Петражицкого), о понятийном и обыденном мышлении, о зоне ближайшего развития. Следует заметить, что Л.С.Выготский был знаком с трудами Петражицкого, в «Психологии искусства» он обращался к его суждениям. Во-вторых, за описанием отношений лектора и студентов можно увидеть подходы к рассмотрению общения как единства коммуникации, взаимодействия и восприятия людьми друг друга, и эти идеи связаны и с социально-психологическими, и с педагогическими исследованиями, развиваемыми в отечественной психолого-педагогической науке (Г.М.Андреева, А.А.Бодалев, А.С.Макаренко, С.Л.Рубинштейн и др.). В-третьих, подход Петражицкого к характеристикам личности лектора и слушателя лекции, охватывающий мотивационную, интеллектуальную, эмоциональную, волевую стороны, – вполне законченные и сохраняющие научность (по крайней мере, в отношении систематизации) представления о совокупности личностных проявлений в учебном процессе.

Не теряют актуальности и суждения Петражицкого об отношениях преподавателей и студентов, особенно о роли уважения к преподавателю как стимуле его усилий по самосовершенствованию, об идеализации преподавателем студенческой аудитории. К сожалению, в силу изменения общей системы социальных отношений, изменений в системе образования и отношений к нему в обществе, психолого-педагогическая наука уделяет мало внимания тому, как влияют на образовательный процесс взаимоотношения, взаимодействия, взаимооценка студентов и преподавателей.

Основной вывод, который можно сделать, оценивая труд Петражицкого, таков: заданный им вопрос «Как достигнуть такой силы и такого влияния университета, чтобы он подвергал по возможности всех питомцев своих крещению силою и светом науки» [1, с. 196] сегодня не столько наивен, сколько актуален.

Явленные в труде Петражицкого открытая субъективность, пристрастность,

полемичность, в которых отражены чувства и ценности, постоянное обращение к личному опыту, – не только недостатки, но и достоинства: они всегда характеризуют личностную составляющую подлинного образования. Петражицкий стимулирует самостоятельное мышление читателя, пусть даже и не согласного с его утверждениями, предлагает человеческое измерение познавательной деятельности, ориентирован на ее уникальность в каждом конкретном случае обучения, а не на безликую технологичность. Чтение этого труда преподавателем и студентом вуза может стимулировать их обращение к современным проблемам высшего образования и к собственной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Петражицкий Л.И.* Университет и наука. Опыт теории и техники университетского дела и научного самообразования. Т. I. Теоретические основы. СПб.: Тип. Ю.Н.Эрлих, 1907. 340 с.

2. *Петражицкий Л.И.* Университет и наука. Опыт теории и техники университетского дела и научного самообразования. Т. II. Практические выводы. СПб.: Тип. Ю.Н.Эрлих, 1907. 639 с.

3. *Князев Е.А.* Лев Петражицкий и аутодидактика в высшей школе // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2020. Т. 19. № 3 (45). С. 84–90.

4. *Невская С.С.* Л.И.Петражицкий о мотивах человеческих поступков // Отечественная и зарубежная педагогика. 2016. № 3 (30). С. 33–44.

5. *Макарова Н.С., Дука Н.А., Чекалева Н.В.* Дидактика высшей школы. От классических оснований к постнеклассическим перспективам: Монография. М.: Юрайт, 2024. 172 с. [Электронный ресурс]. URL: https://urait.ru/bcode/541803 (дата обращения: 30.06.2024).

6. *Зайцев В.С.* Вузовская лекция: Учеб.-метод. пособие. Челябинск: ЗАО «Библиотека А.Миллера», 2018. 43 с.

7. *Ильина Ю.А.* Л.И.Петражицкий: краткий биографический и автобиографический очерк // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 10-2. С. 136–139.

8. *Волкова М.А.* Политическая и научно-педагогическая деятельность Л.И.Петражицкого: Дисс. … к.ист.н. М., 2005. 161 с.

9. Университетский вопрос в России / Сост. и авт. вступ. ст. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2017. 704 с.

10. Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: Антология: Учеб. пособие для вузов / Сост. А.Ю.Андреев, С.И.Посохов. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. 527 с.

11. *Гессен В.М.* О постановке преподавания на юридических факультетах // Право. Еженедельная юридическая газета. 1901. № 18. С. 913–925.

12. *Амбарцумян А.А.* «Вот шагает лев науки и философии». Отрывок из «Воспоминаний». [Электронный ресурс]. URL: http://old.journal.spbu.ru/2000/01/8.html (дата обращения: 30.06.2024).

13. *Беседы В.Д.* Дувакина с М.М.Бахтиным. М.: Прогресс, 1996. 342 с.

14. Письма Александра Блока к родным. Л.: ACADEMIA, 1927. 370 с.

15. *Изместьева-Новожилова Е.Р.* К 100-летию Санкт-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов // Правоведение. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. № 6. С. 120–124.

16. *Привалова Е.П.* Как мы учились // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.): Сб. статей. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1973. С. 238–244.

17. *Хлытчиева С.М.* Воспоминания юристки первого выпуска // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.): Сб. статей. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1973. С. 262–269.

18. *Сорокин П.А.* Дальняя дорога: Автобиография. М.: Моск. рабочий; ТЕРРА, 1992. 303 с.

19. *Сергеевич В.И.* Реформа университетского преподавания. СПб.: Типография М.М.Стасюлевича, 1908. 33 с.

Дата поступления – 26.07.2024

L.I. Petrazhytskiy about the university lecture

Sergey A. Gilmanov – Dr. Sci. (Pedagogics), Professor, Yugra State University (Khanty-Mansiysk, Russia); gilmanovsa1109@gmail.com

Abstract. *The article considers the ideas of the Russian-Polish scientist L.I. Petrazhytskiy that concern the content and role of a university lecture in the development of science and education. It is indicated that according to Petrazhytskiy, a lecture is seen not only as a universal means of developing the "scientific psyche", but it also implies providing conditions for the development of science itself. It is concluded that reading the scientist's works by university teachers and students can stimulate their attention to modern problems of higher education and to their own cognitive and teaching activities.*

Key words. *University lecture, L.I. Petrazhytskiy, lecturer and listeners of lectures, communication and relations between teachers and students.*

REFERENCES

1. *Petrazhickij L.I.* Universitet i nauka. Opyt teorii i tekhniki universitetskogo dela i nauchnogo samoobrazovaniya. T. I. Teoreticheskie osnovy [University and science. Experience in theory and technology of university affairs and scientific self-education. Vol. I. Theoretical foundations]. Saint Petersburg: Tip. Yu.N.Erlih, 1907. 340 p.

2. *Petrazhickij L.I.* Universitet i nauka. Opyt teorii i tekhniki universitetskogo dela i nauchnogo samoobrazovaniya. T. II. Prakticheskie vyvody [University and science. Experience in theory and technology of university affairs and scientific self-education. Vol. II. Practical conclusions]. Saint Petersburg: Tip. Yu.N.Erlih, 1907. 639 p.

3. *Knyazev E.A.* Lev Petrazhickij i autodidaktika v vysshej shkole [Lev Petrazhitsky and autodidactics in higher education]. *Psihologo-pedagogicheskij zhurnal «Gaudeamus»* [Psychological and pedagogical journal "Gaudeamus"]. 2020. Vol. 19. No. 3 (45). P. 84–90.

4. *Nevskaya S.S.* L.I.Petrazhickij o motivah chelovecheskih postupkov [Petrazhitsky about the motives of human actions]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [Domestic and foreign pedagogy]. 2016. No. 3 (30). P. 33–44.

5. *Makarova N.S., Duka N.A., Chekaleva N.V.* Didaktika vysshej shkoly. Ot klassicheskih osnovanij k postneklassicheskim perspektivam: Monografiya [Didactics of higher education. From classical foundations to post-non-classical perspectives: Monograph]. Moscow: Yurajt, 2024. 172 p. URL: https://urait.ru/bcode/541803 (accessed 30.06.2024).

6. *Zajcev V.S.* Vuzovskaya lekciya: Uchebno-metodicheskoe posobie [University lecture: Educational method. allowance]. Chelyabinsk: Biblioteka A.Millera, 2018. 43 p.

7. *Il'ina Yu.A.* L.I.Petrazhickij: kratkij biograficheskij i avtobiograficheskij ocherk [Petrazhitsky: short biographical and autobiographical sketch]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2022. No. 10-2. P. 136–139.

8. *Volkova M.A.* Politicheskaya i nauchno-pedagogicheskaya deyatel'nost' L.I.Petrazhickogo: Dis. … kand.iist.n. []. Moscow, 2005. 161 p.

9. Universitetskij vopros v Rossii [Political and scientific-pedagogical activities of L.I.Petrazhitsky: Diss. ... Ph.D.]. Moscow: Statut, 2017. 704 p.

10. Universitetskaya ideya v Rossijskoj imperii XVIII – nachala XX vekov: Antologiya: Ucheb, posobie dlya vuzov [The university idea in the Russian Empire of the 18th – early 20th centuries: Anthology: Textbook. manual for universities]. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 2011. 527 p.

11. *Gessen V.M.* O postanovke prepodavaniya na yuridicheskih fakul'tetah [On the organization of teaching at law faculties]. Pravo. Ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta [Law. Weekly legal newspaper]. 1901. No. 18. P. 913–925.

12. *Ambarcumyan A.A.* «Vot shagaet lev nauki i filosofii». Otryvok iz «Vospominanij» ["Here comes the lion of science and philosophy." Excerpt from "Memoirs"]. URL: http://old.journal.spbu.ru/2000/01/8.html (accessed 30.06.2024).

13. *Besedy V.D.*Duvakina s M.M.Bahtinym [Conversations between V.D. Duvakin and M.M. Bakhtin]. Moscow: Progress, 1996. 342 p.

14. Pis'ma Aleksandra Bloka k rodnym [Letters from Alexander Blok to his family]. Leningrad: ACADEMIA, 1927. 370 p.

15. *Izmest'eva-Novozhilova E.R.* K 100-letiyu Sankt-Peterburgskih Vysshih zhenskih (Bestuzhevskih) kursov [To the 100th anniversary of the St. Petersburg Higher Women's (Bestuzhev) Courses]. *Pravovedenie* [Jurisprudence]. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1977. No. 6. P. 120–124.

16. *Privalova E.P.* Kak my uchilis' [How we studied]. *Sankt-Peterburgskie vysshie zhenskie (Bestuzhevskie) kursy (1878–1918 gg.): Sbornik statej* [St. Petersburg Higher Women's (Bestuzhev) Courses (1878–1918): Collection. articles]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1973. P. 238–244.

17. *Hlytchieva S.M.* Vospominaniya yuristki pervogo vypuska [Memoirs of a lawyer of the first graduating class]. *Sankt-Peterburgskie vysshie zhenskie (Bestuzhevskie) kursy (1878—1918 gg.): Sbornik statej* [St. Petersburg Higher Women's (Bestuzhev) Courses (1878–1918): Collection. articles]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1973. P. 262–269.

18. *Sorokin P.A.* Dal'nyaya doroga: Avtobiografiya [Long Road: Autobiography]. Moscow: Mosk. rabochij; TERRA, 1992. 303 p.

19. *Sergeevich V.I.* Reforma universitetskogo prepodavaniya [Reform of university teaching]. Saint Petersburg: Tipografiya M.M.Stasyulevicha, 1908. 33 p.

Submitted – 26.07.2024